

И от Цезаря далеко и от ВЬЮГИ

Олег Диденко

Олег Диденко

И от Цезаря далеко и от вьюги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72150439

SelfPub; 2025

Аннотация

«И от Цезаря далеко и от вьюги» затрагивает темы изоляции, поиска смысла и противостояния однообразию. Это исследование границ человеческой свободы и иллюзорности побега от себя. Через метафоры степи и горизонта автор показывает, что подлинное освобождение начинается не с изменения места, а с принятия собственной ограниченности. Книга заставляет задуматься о ценности "здесь и сейчас" в мире, где "звезды и маяки" остаются недостижимыми символами надежды.

Текст не дает читателю спрятаться за развлечениями. Он вскрывает экзистенциальные трещины, которые все мы стараемся замазать бытом: «А что, если свобода – это иллюзия?», «Почему бегство не приносит спасения?». В эпоху тиктока и клипового мышления такие тексты – как холодный душ для сознания. Они возвращают людям способность рефлексировать, а не просто потреблять контент.

Олег Диденко И от Цезаря далеко и от вьюги

Курган

В степи горизонтов, на самом деле, два. Горизонт, второй, вдали. Там, где, как мне объясняли, «небо сходит на Землю». Почему они решили, что он правильная окружность? Ведь никто никогда не достигал его, не дотрагивался, не смотрел с близкого расстояния. Его нельзя увидеть сверху: чем ты выше, тем дальше от тебя горизонт, он убегает из любых ловушек, не открывая своих истинных геометрических свойств. А если он квадрат? Ведь, если стать в центре футбольного поля, то его край, прямоугольник, представляется чем-то вроде овала. Можно сесть на корточки, тогда он станет окружностью, не будучи таковой. Углы исчезают, если сесть с ними в одну плоскость. Почему люди, которые придумывали все названия, не придумали, что горизонт прямоугольник? Наверное, из-за другого, первого, если считать от наблюдателя, горизонта, на который невозможно указать пальцем, его все равно не увидят. А не увидят, потому что

он у всех разный. Это круг зрения. Его размер определяется остротой глаз. Немногие осознают, что благодаря глазам они больше не видят, чем видят. Загвоздка в пределе зрения и правильной фиксации внимания. Прямо под собой мы можем рассмотреть камни, растения, насекомых, свои ноги. Они видятся нам отчетливо, с хорошей степенью подробности. Но, это не все. Под ногами находится мир, на полное постижение которого, как на океанские глубины, может не хватить жизни, даже если не тратить ее на другие вещи. Это — сама вселенная, которая как прирученная собака, пришла полежать у ног хозяина. Для нас было бы лучше остаться с ней, быть здесь и сейчас. Но нет. Для этого надо преодолеть свою суетливость, свое назойливое стремление куда-то бежать, непременно в даль. Взглянув немного дальше, мы видим те же предметы, но уже не так подробно, в виде эскиза, намек. Но мы еще видим некоторые детали. Смотрим еще дальше: эти детали превращаются в штрихи, которые затем размазываются в непрерывный фон, состоящий из медленных градаций какого-то цвета, не обязательно зеленого, и плавных переходов одних цветов в другие. Линия, на которой для нас исчезают предметы, есть первый наш горизонт. Отдельный куст, дерево в отдалении, или курган, могут разорвать его идеальную окружность, и он, не переставая быть тюрьмой, превращается в камеру с видом на свободу, давая надежду покинуть ее, как дают нам надежду звезды или далекие маяки и горы...

Вам приходилось когда-нибудь подолгу бывать в степи? Или, хотя бы, выходить в поле? Что-нибудь интересное запомнилось? Однообразное колыхание трав, подушка ветра в ушах, голубой купол с охапками ваты над головой. Никаких событий, никакой добычи для внимания и памяти. Трудно описуемые, нечеткие, ощущения. Куда бы ты ни повернул голову, видишь одно и то же. В одно или сразу в два уха дует ветер. Очень назойливо. Вокруг безлюдно, но не безмолвно. Ничего не происходит, но в голове постоянный шум, как будто уши заткнули пальцами, и слышно, как шуршит кровь в сосудах. Ни за что не соглашусь, что этот шорох похож шепот, как утверждают чувствительные натуры. Еще менее он похож на песню. Степь – это еще не пустыня, то есть, место, где ничего или почти ничего нет. Но степь – это место, где ничего или почти ничего не происходит. Где теряется привычное чувство хода времени. С одной стороны, оно невыносимо тянется, но прошедшие минуты, часы, дни, года тут же стягиваются в одно мгновение, словно они проведены во сне.

Мое детство прошло в этом сне. С ветром вместо подушки. Здесь есть города и поселки, люди живут в современных домах, они давно не ночуют возле костров. Но это – степные города. Они не закрывают собой землю и не заслоняют горизонт. Все якобы прочное в них быстро прихо-

дит в упадок. Облезает краска, падают ограды на подгнивших столбах, хлопают калитки без запоров, оседают и рушатся, словно саманные, дома. Ветер несет семена сорняков, и каждый неводеланный участок покрывается бурьяном в человеческий рост. Люди неразговорчивы. Они вцепляются во встречного взглядом и затем подолгу оборачиваются, так провожая друг друга. Совсем не как в городах, где встречные даже не скосят друг на друга глаза, ибо на долю среднего обитателя города ежедневно выпадает столько встреч, сколько жителю степи не насчитать за год. Совсем не как под сводами леса, где в воздухе разлита торжественность, как в церкви и отчетливо слышится каждый звук, который, отражаясь от стволов, разносится далеко во всех направлениях. В поле слово, сказанное в двух шагах, приходит словно издалека. Никчемное, как сам человек на этом ландшафте.

Я никогда не любил своей родины. Я много читал, мой ум впитал главную ценность человеческой жизни, исподволь внушаемую литературой: разнообразие. По контрасту с этим приходилось жить, видя каждый день одно и то же. Делая каждый день одни и те же дела. Каждый день по кругу одно и то же в одной и той же очередности. До онемения чувств, пока не перестаешь осознавать, что именно ты видишь, и что именно ты делаешь. Приходилось так же слушать одни и те же слова, от одних и тех же людей, и это монотонно повторение, как гипноз, усыпляло все силы души, оставляя недрем-

лющим только чувство тоски и желание покинуть эти круги, вырваться за их пределы, туда, где по меньшей мере есть гул, туда, где жизнь, где разнообразие. Туда, где случаются чудеса, где небеса приходят на землю.

Я это сделал. Я разорвал по очереди эти круги. Я окончил школу, покинул свою семью, которая к тому времени насчитывала двоих: меня и мою мать. Уехал: сначала недалеко, в другой город, выучил другой язык, английский. Потом я покинул свою область, свой ландшафт и стал наконец свободен. Дальше был большой город, затем, столица, затем я пересек границу и оказался в другой стране. Затем, страны пошли одна за другой, и однообразие их быстрой сменяемости стало угрожать достигнутому с таким трудом уровню разнообразия, необходимому мне для нормального обмена веществ. Не являясь по натуре кочевником, я осел. Это случилось само собой. Я поступил, как автомобилист, путешественник, который едет давно, и думает о том, что надо остановиться на отдых. Тогда он не ищет, каких-то особенно прекрасных видов, он тормозит на первом показавшемся ему удобным месте. Он выходит из машины, уставший с мятой и влажной на спине футболкой. Делает несколько шагов, снимает потную бейсболку, ложится на землю и исчезает в придорожной траве. Трава склоняется над ним. К нему тянутся какие-то колоски, зонтики, цветочки. Над ним покачиваются деревья, между ними сверкает небо, из-за неба просвечивает космос.

И он неожиданно понимает, что нашел свое место во вселенной, и ехать дальше бессмысленно. И он строит в этом месте дом. Это естественно. Я рьяно искал, искал себе места на земном шаре, в душе сомневаясь, что оно есть, но, как это часто бывает, место само нашло меня. Я остановился в Сан-Франциско, городе на сорока двух холмах. Здесь есть сходство с Римом, но, скорее всего, совершенно случайное. Все места в мире чем-то похожи друг на друга. Сан-Франциско своими холмами похож на Рим. Также, он чем-то похож на Париж, на Лондон, на Гонконг, и на все любимые пастбища и водопои стада, именуемого человечеством. Что хорошо, он совсем не похож на мою родину. В какой-то момент, я забыл о ее существовании, о пуповине, которая как шнур проводного телефона тащилась за мной по дну океана, через леса и вершины гор, когда я менял свое местонахождение на поверхности Земли. Я забыл о своей матери, как забывают поливать цветок, оставленный на работе во время отпуска. Ее соседка раздобыла мой адрес, и они вдвоем с учительницей английского, подписали конверт. В письме сообщалось, что мать тяжело болела, но они ее выходили. Я отправил им денег, письма больше не приходили.

Я не могу туда поехать. Не могу и все. Легче застрелиться. А мать никогда не приедет ко мне. Когда она была молодой, какая-то сила затянула ее на край земли. А меня какая-то другая сила заставила бежать оттуда. Нет, нам уже не

встретиться никогда. Вообще-то я стараюсь об этом не думать. Возможно, так проявляет себя моя совесть. Довольно об этом. Нет, еще пару слов. Там нет ничего, что я начал и не завершил, нет ничего что я мог бы ностальгически вспомнить. Почти ничего. Что тянуло бы к себе, периодически возникало во снах. Как отрезало. А то, что было мне там дорогим, об этом немного стыдно говорить. Нет, я все-таки скажу, в глупом порыве быть до конца честным. Я любил большой выгон, на краю станицы. Это, в силу каких-то причин никем не распаханное место, хотя с трех сторон его окружали пшеничные поля. Возможно, трактористам мешали курганы, которые как грибы раскиданы там повсюду. Между ними вилась проселочная дорога, две прокатанные среди разнотравья колеи, по которым раз в неделю с дальней кошары ездили за продуктами пастухи. Я любил в сумерках нестись по этой дороге на велосипеде, в час вечернего безмолвия. Затем, останавливаясь возле одного кургана, самого высокого из всех, подниматься наверх, и смотреть с его вышины, как за горный хребет садится солнце. В тех далеких горах, которые отчетливо просматривались и казались совсем близкими в ясную погоду, брала истоки большая река, протекавшая неподалеку, и я слышал, как она шумит, волоча камни. От ее большой речной долины, освещенной последними закатными лучами, отходила еще одна, поменьше. Сухое русло, в котором располагалась станица. От нее на вершину кургана доносился лай собак, скрип калиток и пар вечерней дойки.

Сан-Франциско замечательный город, живописно расположенный. Он как раз подходит для людей с аллергией на равнину вроде меня. Сан-Франциско, как гениальный шахматист, ставит мат однообразию при помощи затейливой комбинации гор и моря. Океан, в который раз в сутки погружается усталый и потускневший от увиденного на грешной Земле диск. Великий Океан, который разбивает свои валы, свои приливы о скалы, на которых стоит город. Словно волны океана на город накатывают эпохи, тенденции, стихийные бедствия. Но всегда откатывают обратно, оставляя незыблемым фундамент жизни. Сколько их было: миссионерская горячка, золотая лихорадка, эпидемии, автомобильный бум, сухой закон, промышленники, дельцы, финансисты, хиппи, сексуальная революция, землетрясения, бэби бум, мегастроительство, компьютерные технологии... Все схлынуло, оставив кое-какие следы, а жизнь продолжается, как основа всех этих всплесков на своей глади прошлого и будущего. В чем, как не в этом признак и суть вечного города? Города, который не увлекается опрометчиво, ударяясь во все тяжкие, не срывается с места в погоне за прогрессом, а лишь слегка тревожится, как китайский мудрец, не доверяющий переменам. А для меня в этом месте был приготовлен образ жизни, который пришелся мне по душе. Как серфингисты в Санта-Крузе находят забвение неприятностей жизни в легком скольжении с гребней волн, так и я практикую серфинг в отноше-

нии человеческих эпох и цивилизаций. Прошлое человечества хороший напиток, чтобы растворить в нем настоящее одного человека. Меня.

Привела меня в это место работа. Однажды, в середине девяностых, я приехал сюда в качестве переводчика православной делегации из России. Здесь мне предложили остаться переводчиком в местной общине. Я согласился почти не задумываясь. Вначале был минус – религиозная специфика. Меня сместили архаичные одеяния и ритуалы. Посещало чувство, что присутствуешь на представлении ряженых. Пока я работал на них, как светский, меня это не касалось. Но когда предложили работу в миссии, то на мое поведение и образ жизни лег ряд требований. Впрочем, я справился с ними легко. Помог навык говорить не то, что на самом деле думаешь, который развили во мне мои советские учителя. В нужный момент произносить правильные слова и совершать правильные жесты – для меня всегда было несложно. Это как сдавать в аренду часть своей жилплощади чужим людям. Ты с ними вежлив, хотя порой хочется в них плюнуть. Но они занимают в твоём доме одну комнату, в остальной части дома ты полный хозяин. Плюс платят деньги, на которые ты живёшь. Не пыльный заработок. В честь такого можно прикусить язык, и улыбаться при встрече. Скажете, что это немного смахивает на проституцию? Скажу больше – это и есть проституция. Я достаточно повидал, чтобы не

пугаться таких откровений. Таков сегодняшний мир. Пожалуй, таким он был всегда, иногда притворяясь цивилизованным и гуманным.

В этой связи мне вспомнилась наша безобразная студенческая шутка: когда изнасилование неизбежно, расслабься и получай удовольствие. Мои способности к языкам нашли применение в рамках основной работы, и стали давать мне нечто вроде интеллектуального удовлетворения. Я изучил древнегреческий, арамейский и коптский языки, и стал делать переводы манускриптов первых веков христианства, огромное количество которых пылится в музейных подвалах Европы. Переводил их на английский и на русский. Чтобы делать более качественные переводы я освоил догматическое богословие и историю христианства. Ездил в археологические экспедиции в Святую Землю, Египет, Турцию и Италию. Написал несколько статей. Защитил диссертацию по истории богословия. Теперь у меня есть пропуски в практически в любые музейные хранилища к уникальным материалам и артефактам.

На русских, уехавших в Америку, смотрят на родине враждебно. Мол, уехали за красивой жизнью. Открещиваться, кричать, что я не такой, не буду. По большому счету, это истина. Вопрос только в том, что понимать под красивой жизнью. Я не разделяю обще американской страсти к

повышению уровня годового дохода и к карабканью по социальной лестнице. Работаю и живу уже пару десятилетий на одном и том же, не самом престижном месте. Доход мой не велик, по американским представлениям. Похвастаться богатством, как это любят делать мои соотечественники, я не могу. Хотя, по средним российским меркам, возможно, я процветаю. Хотя, как можно сравнивать? У меня нет кондового кирпичного дома, нескольких машин, сундуков с пропахшими нафталином шмотками и шкафов с хрустальными рюмками. Зато я могу смотаться на уик-энд в Европу, покататься на лыжах в Альпах, или посидеть с сигарой в кафе на Монмартре. Вру, конечно, я так не делаю. Это не мой стиль. Я, правда, много перемещаюсь по миру, но не затем, чтобы убить свободное время, убивая драгоценное время жизни, которого у меня остается все меньше. У меня нет семьи, которой нужно заниматься, нет друзей, с вытекающими из дружбы обязательствами. Это делает меня супермобильным и, вне рамок профессии, совершенно свободным. Если выдается свободная неделя, то я лечу, потом снимаю машину и еду куда-нибудь, где археологи со своими лопаточками и щеточками ковыряются в земле. Это мое хобби, развившееся из увлечения языками и историей. Геркуланум, Мегиддо, Троя. Я посетил эти заброшенные древние поселения. Места, которые выбрали люди, чтобы построить свои дома, прожить в них свои жизни, передать новым поколениям, чтобы те передали их в свою очередь. А затем разрушенные и за-

брошенные из-за вооруженного набега или природного бедствия. Прервавшаяся эстафета поколений. Алчная вечность, настигшая горстку разумных существ, как волчица, идущая по следу. Здесь когда-то пульсировала жизнь. Теперь остатки зданий похожи на части обглоданного скелета. Плоть, которой являлись люди, их единства, со множеством плотно подогнанных мелочей быта, исчезла. Но восстанавливая их облик по ничтожным крупичкам, я чувствую их и свое родство. Я их понимаю. Возможно, нет во мне ничего от древнего патриарха, который после многих дней или лет странствия поворачивается к идущим за ним спутникам и объявляет, что путь подошел к концу. Он нашел то, что искал. Вот земля, которая их желает, незанятая никем, девственная. Она дает скитальцам обетование, что станет родиной для их детей и внуков, и черед счастливых поколений не пресечется. Но никто не знал, как оно будет в действительности. А я уже знаю. В этом мое преимущество перед ними, что я знаю о них главное: чем все закончилось. А чего я не знаю с легкостью дополняет воображение. То, на что я склонен полагаться сильнее чем на так называемые факты. Воображение – главный инструмент научного познания, так считал Гете. Но этот инструмент надо выковать, натренировать. Воображение не всякого человека годится для поисков истины. Хорошее воображение очень точно. Оно бьет в десятку. Я порой воочию вижу, тех чьи подошвы ног касались этой земли раньше моих на тысячи лет, или даже на тысячи тысяч, ко-

гда земля была еще свобода от людей. Вдумайтесь, везде, где сейчас есть люди, их раньше не было. Они когда-то пришли в эти места в первый раз! Я, в отличие от них, странствую по уже обжитому миру, где поделен каждый клочок земли. И каждый клочок земли замаран множеством событий. И, что еще хуже, множеством трактовок этих событий. А там, где есть множество, толпа, нет ничего ценного, ничего сакрального. Найти себе единомышленников, спутников среди современников, в большинстве своем топящих свой страх перед небытием в ничтожных делах и тупых развлечениях, мне трудно, труднее чем тем, первым людям. В конце концов, я всего лишь пытаюсь сберечь иллюзию того, что мои жизненные странствия не были напрасными, что я пришел к их законному концу, и, там, где я сейчас живу, есть земля обетованная для моего народа, состоящего из меня одного. Эта мысль немного согревает меня и оправдывает мой исход из родины.

В глубине души я не считаю себя ученым. Но я стал своим в их круге, в который я втиснулся, как это было ранее с кругом богословов. Даже немного проще. Потому, что не надо было ничего делать. Надо было только уметь слушать. Но, слушая, не зевать, когда тебе монотонным голосом, без единой эмоции битый час рассказывают о какой-нибудь оригинальной гипотезе и фактах, свидетельствующих в ее пользу. Слушая, не улыбаться, когда факты выворачивают наизнан-

ку, предавая анафеме здравый смысл. А еще нужно периодически задавать собеседнику глупые вопросы, которые позволят ему почувствовать уверенность в своих пустопорожних построениях. Чем более глупым и некомпетентным ты себя проявишь, тем более лестно они отзовутся о тебе в беседе с каким-нибудь другим корифеем, и у тебя постепенно сложится реноме. Так, в очередной раз ты станешь своим среди чужих, имитируя их манеры и облик, вовремя прикусывая язык, когда наружу просится какое-нибудь живое сравнение или догадка, бросающая свет на их внутреннее убожество. У этих людей фантазия одна на сто человек. Но они застолбили все интересные для меня темы, и я пришелец в их мире. С этим приходится считаться, как считаются с порядками страны, когда получают визу на въезд или вид на жительство.

Я просто брежу местами, в которых происходили важные для человечества дела. Меня не очень заводит история, которая на бумаге. Я достаточно прочитал. Мне ближе другая. Та, частью которой являюсь я сам, и все что я вижу, глядя вовне, на мир. Она не такая сглаженная, как та, которую находишь, зарываясь в книгу, но те, кто ищет правду в книгах, смешны, как страусы, засунувшие головы в песок. Не знаю, как объяснить понятнее. Например, есть чудаки, которые любят футбол. Они знают всех лучших футболистов мира. Они смотрят все финалы чемпионатов мира. За их спиной крутят пальцем у виска серьезные люди. А я пони-

маю, что их влечет. Это тоже история, правда, игрушечная. Песочница, в которой происходят баталии, великие победы и вселенские катастрофы. Однажды мой хороший знакомый, под пивом, совершенно не спрашивая меня интересно это или нет, полночи доказывал, что, если бы корявый Ван-Бастен в 1989-м промахнулся по мячу, что он обязан был сделать, Лобановский не умер бы второсортным тренером, который не выиграл ни одного большого турнира. «Увы, – нашелся я что сказать ему тогда, – не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их». Он молча смотрел на меня несколько секунд, потом достал блокнот и попросил повторить еще один раз. Медленно.

У меня на стене висит карта мира. Очень большая, во всю стену. На ней флажками разного цвета отмечены места, в которых произошло нечто важное для землян. Племена и народы захватывали в пустующем бесчеловечном мироздании участки, присоединяя их к Вселенной человека, создавая свой мир. Мир людей, как масло на моем утреннем бутерброде намазан неравномерным тонким слоем на поверхности моей карты. В реальности он больше похож на тонкую кожуру яблока, под которой огненный хаос, а вне безжизненный холод, как когда-то выразился Ницше. В нашем ведении этот шар, несущийся в почти пустом простран-

стве. Мир гораздо больше этого шара, но для нас именно этот шар мир. Я готов принять, что так будет, возможно, всегда, хотя, как и все, я люблю мечтать о космических путешествиях. Так, для старика, который никогда не покидал своей деревни, она является миром. Все остальное – выдумка, мечта. Мы похожи на такого старика. И все важное для нас происходит на поверхности этого шара в данный миг времени. Но у меня часто бывают моменты, когда прошлое и будущее становятся сродни настоящему. Количество замечательных событий происходящих ежедневно превращается в плотность и, затем, умножается на число дней, лет, эпох. Все происходит одновременно. Разбив палатку на развалинах Помпеи, дождавшись ночи, я в своем воображении оживляю живших здесь людей. Это настолько реально, что заглушает свидетельства чувств и доводы разума. Я оказываюсь стоящим среди них, словно среди привидений, населяющих место, вступаю с ними в разговор, торгуюсь за какую-нибудь мелочь, печалюсь и ли радуюсь. Я не могу лучше сказать, что это. Бред или ясновидение. Некоторые места мне уже удалось посетить, и они отмечены на моей карте синими флажками. О других я много читал, но вряд ли туда поеду из-за человеческих толп, алчущих сделать свое фото на фоне знаменитых развалин. Акрополь, Колизей, Великие пирамиды. Эти места на моей карте отмечены флажками красного цвета. Затоптанные стадами туристов, захватанные руками, жирными от сосисок. И огромное количество зеле-

ных флажков, флажков моей надежды. Надежды на то, что моей короткой жизни, моих денег и моих связей хватит, чтобы попасть туда. Много, много флажков на моей карте. Вся Европа пестрит ими, Греция, Малая Азия, Север Африки, Мексика, Перу. Там очень много всего. Там жили люди, которым удалось оставить свой след. Но есть места, где как бы ничего не происходило

Одно из таких мест, моя бывшая родина, южная степь. Если заставить все мои флажки светиться разными цветами, то это область останется не освещенной. Иногда я спрашиваю себя, что за пакость со стороны провидения заставить меня родиться в одном из самых скучных мест на Земле. Даже пустыни полны погибших городов. Даже на необжитых полюсах Земли кипели страсти, когда Амундсен и Скотт спорили за звание первопроходцев. А здесь? Ну, были когда-то пути миграций. Но они пролегали в основном по побережьям двух морей, далеко в стороне от мест, в которых я жил. То же самое с торговыми путями, отмеченными останками некогда богатых городов, которые служили приманкой для разбойных кочевых племен, и таки были в итоге ими разграблены. Эти кочевые племена метались по равнине, очерченной с юга горами, морями с запада и востока, и лесами с севера.словно газ, заполняющий весь сосуд, не содержащий ничего формообразующего, рационального, они метались по всему предоставленному им объему, сбивая малей-

шие ростки высокой культуры. Не привязанные ни к одному месту, ничем не дорожащие, они, казалось, были напитаны только завистью к богатству созидателей и ревностью уничтожать все кропотливое и изощренное, оставляя самое топорное и неотесанное в качестве необходимого для своих тел и душ. Здесь был простор для этих демонов, и они не оставили после себя ничего, кроме этих бессмысленных курганов, под которыми их находят закопанными с их женщинами, лошадьми и награбленным добром. Примитивное устройство их умов, компенсировалось физическим здоровьем и плодовитостью. То ли их душевная пустота была способна лишь воспроизводить пустоту вовне. То ли пустыньность степи навязывала им примитивизм и душевное убожество. Но, тысячелетиями они были вне конкуренции на этих пространствах. Облагородить или смягчить их было невозможно, только бежать из этих мест. Бежать через моря и горы...

Однажды вечером, я, как обычно, вернулся в свои четыре стены, отделяющие мое личное жизненное пространство от остальной двумерной вселенной, близлежащая часть которой заполнена улыбчивыми успешными двуногими существами мира денег. Чувствуя, что не весь мой дневной запас сил израсходован на усилия держаться на плаву в этом социуме, что есть еще во мне неизрасходованные излишки интереса и внимания, я с чашкой кофе сел просматривать свежий

номер «Археолоджи». Чем хорош этот журнал, это тем, что наряду с отстоявшимися академичными статьями он публикует что-то вроде новостей с переднего края науки. Нет, я умею находить себе пищу и в сухом, затрудненном терминами научном тексте. Но иногда хочется эмоций, красок, человеческой субъективности. В этот номер попала статья, больше напоминающая журналистский репортаж с места высадки инопланетян, чем традиционную сводку с мест новых раскопок. В спертую атмосферу лекционного зала, с горсткой тщетно борющихся со сном преданных слушателей, ворвался бешеный сквозняк, свежий воздух, с запахом полыни, и желтыми смерчками на степной дороге. Когда «Археолоджи» публикует такую статью это всегда не просто так. Это значит, что и в правду что-то раскопали, что-то, что перевернет ряд базовых постулатов в гомеопатическом мироздании ученых мужей. Поначалу я не понял, где именно ведутся раскопки. Оригинал статьи, видно по всему, был на русском, а в журнал попал в плохом английском переводе, и я заметался между двумя дискурсами, как велосипедист между двумя краями тротуара, пытаюсь объехать бестолкового пешехода, к тому же не знакомого с правилами движения. До меня поначалу доходили лишь какие-то обрывки. Я понял, что экспедиция немецкая и ведет она раскопки в сотрудничестве с москвичами где-то на юге России. У меня отчего-то забилося сердце. Вид убранного пшеничного поля на фото был очень знаком. На его краю позируя стояла группа лю-

дей, судя по жестам, оживленно спорящих. За краем поля был крутой обрыв и оттуда выглядывали верхушки пирамидальных тополей и крыши домов в отдалении. В мое лицо пахнуло запахом уборки. Ветер донес лай собак и звук работающего в поле трактора. Затем возникло название казачьей станицы. Название, которое я десять лет писал на обложках школьных тетрадей. Я понял, что мне пришло второе письмо с родины, и начал читать сначала, стараясь не пропустить ни одной детали. Наконец, до меня дошло, где именно они копают.

Это был тот самый курган. На бывшем выгоне. Один из тех мимо которых мальчиком я ездил на велосипеде. В этом месте курганов, как грибов, но археологов соблазнил именно мой курган, тот самый, большой. Они даже дали ему условное имя: Надежда. У местных курганы никак не называются, они на них почти не обращают внимания. Помню два близко расположенных одинаковых кургана. Мы называли их Ближнецы. Но говорили о них редко, вяло, без интереса. Учитель истории как-то сказал, что это курганы скифов. Нам не верилось. А с ним еще спорила географичка. Если это курганы скифов, то там лежит золото. Золото просто так бы не лежало. Курганы давно бы раскопали. Если их еще не раскопали, значит, скифы здесь не причем. А курганы эти просто особенность донного рельефа. На этом месте когда-то было море.

Я постепенно понял, о чем идет речь в статье. Экспедиция была инициирована историками из Владикавказа в сотрудничестве с немцами и москвичами. У осетин в этих раскопках есть особенный интерес. Они очень гордятся своими предками, древними аланами, и повсюду ищут следы их пребывания. Но география расселения аланов доподлинно не изучена. И ученые из Владикавказа готовы искать их следы, где угодно, хоть на Эфиопском нагорье. И вот, они подорвали немцев, в расчёте на то, что дотошные немецкие археологи подтвердят факт находки еще одного очага аланской культуры. На их энтузиазм вежливо сетует немец, главный археолог. Он на отдельной фотографии. Мужичек в бушлате, похожий на колхозного бригадира, сходство довершает бульдозер на заднем плане, который, следуя его манипуляциям, срезает курган вертикальными слоями. Его выводы не нравятся русским и осетинским ученым, но факты красноречивы. Извлечено более семидесяти останков и огромное количество артефактов. Только что получены результаты углеродного анализа. Аланы не подходят по датировкам. Курган слишком древний, 4 тысячи лет. Тогда кто, скифы? Вы о чем? Скифов тоже тогда в помине не было. Да и селились скифы в основном в Сибири до Урала. Как!? Да, да, скифы в Сибири, а не в причерноморских степях. О ком тогда писал Геродот? Непонятно. Перепутал с кем-то. Не аланы и не майкопцы и не скифы, тогда кто? Непонятно. Сам курган – не насыпь, а постройка, глинобит, как это видно на верти-

кальных срезях. Вокруг кургана сарматские могилы. И насыпь сарматская. А под ней глиняное сооружение, по форме напоминающее пирамиду Джосера, но меньшее по величине. В скошенном пшеничном поле над скучной стерней звучат слова «зиккурат», «ритуальные жертвы», «Месопотамия», «ранняя бронза». Археолог взволнованно сообщает интервьюеру, что эти раскопки полностью разрушают существующую картину расселения в эпоху ранней бронзы, а также представления о курганах южных степей. Конечно, это надо еще проверять, но многие из этих курганов вовсе не могильные насыпи, как принято полагать, а культовые сооружения из глины, единственного местного строительного материала. Эти сооружения использовались то ли для жертвоприношений, то ли для иных ритуалов религиозного характера. В могильные курганы они были превращены кочевниками, которые воспользовались ими, чтобы получились особенно высокие насыпи. Они натаскали на них сверху земли, таким образом сохранив их структуру на тысячелетия до прихода археологов. К сожалению, уже раскопанные курганы эту гипотезу не подтверждают, потому что их срезали неправильно, можно сказать варварски: горизонтальными слоями. Поэтому не замечали их вертикального строения. Даже черные археологи, расхитители курганов наносили меньше вреда своими раскопками, чем белые, представители официальной археологии, потому что проникали в курган через узкий вертикальный шурф, извлекая артефакты, но не ломая всей

постройки. Курганы нужно срезать тонкими вертикальными слоями. И тут же фото кургана, на вершине которого стоят мужчины со штыковыми лопатами, обрушивая ими срез, на котором отчетливо видны красные и черные линии, подтверждающие слова археолога.

Четыре тысячи лет назад, на этом месте было построено здание из прутьев и глины. А ведь что-то было и до этого. Это была культура, которая мирно развивалась здесь, в этом ландшафте, неопределенное количество тысячелетий, достигла высокого уровня развития судя по находкам из кургана, а затем была пресечена, скорее всего хищными кочевыми племенами.

Я читал затаив дыхание. Четыре тысячи лет назад. Это до эпохи Рима, это даже до Троянской войны! Благодатная земля, мощная высокая культура. До меня внезапно дошел смысл всего того, что я видел, когда находился там. Я вспомнил асфальтовую дорогу от нас до районного центра, длиной восемнадцать километров, которая шла между курганами и по курганам, иногда разрезая некоторые из них на две части. Курганы были повсюду. Огромное скопление курганов. Это как же долго они там жили, если курганов осталось так много? Откуда и когда пришли? Вероятно, еще за несколько тысяч лет до того, как построили сооружение, найденное под курганом Надежда. Когда их здесь не стало, и что послужи-

ло причиной? Ведь столько их поколений жили здесь и никуда не стремились уйти. Наверное, они владели этой землей дольше, чем владеют своей греки. И вдруг их не стало. А мы жили, строили, сеяли поверх их могил не подозревая, что под ногами у нас исчезнувший мир, самодовольные, уверенные в своих правах. Сколько они здесь жили? И сколько еще отпущено нам, уверенным в прочности своей вселенной.? Чем были наполнены их тысячелетия, не описанные историками и летописцами, чем они занимались из поколения в поколения, совершенствуя свой быт, живя по каким-то своим законам? Наверное, и им казалось, что так будет продолжаться вечно. Для человека и сто лет уже много. Кто из нас помнит о родственниках, которые жили сто лет назад? А если десять раз по сто? А если еще шесть раз по столько? Немного изменился климат, стало немного суше и холоднее, но ландшафт остался тот же. Равнина, спускающаяся к реке, текущей от величественных гор, которые, как шеренга великанов охраняют, этот угол от незваных гостей и жарких ветров с юга. Они жили, как если бы были одни на земле. О них не осталось никаких сведений. Куда они ушли? Где теперь их потомки? Чьи потомки мы сами? Что мы знаем о себе? Мы живем на костях существ, живших до нас, не обращая на это внимания. Мы распахиваем и застраиваем даже свои кладбища, какое нам дело до кладбищ древних. Они давно уступили свою землю другим, которые затем уступили ее третьим, четвертым, пока не дошло до нас. Мы проклады-

ваем пути по чьим-то могилам. Потревоженные духи бродят по нашим асфальтовым дорогам. Восемнадцать тысяч метров, и почти на каждом произошла какая-то авария. Дорога, уводящая на небеса.

Я отложил журнал и вышел на улицу, понемногу возвращаясь в настоящее. Я живу в самой сильно стране мира, в очень крутом городе. Я снимаю жилье в Хайт-Эшбери на Оук Стрит у меня есть работа, чтобы все это оплатить. Зачем я здесь? Я жадно затянулся сигаретой, чего не делал уже двадцать лет. Легкие наполнились дымом, а тело ощущением жизни. Запах табака в настоящем смешался с воспоминанием о запахе горящей степи, когда по весне скотоводы выжигают пастбища для своих овец, чтобы переросшая старая трава не мешала расти молодой. Затем память мою затопили другие запахи. Пробуждающаяся весной степь, степь в середине лета пахнут по-разному. Оказывается, я все это помню. У меня есть любимый из всех ароматов, это настой просушенных степных трав, полыни, чабреца, тысячелистника на горячем воздухе августа.

Я вышел из дома и поехал к Маунт Дэвидсон, который светился вечерними огнями вдалеке, припарковал свой автомобиль на Мейра Вэй и поднялся на вершину холма, заменявшего мне мой степной курган. Я часто сижу на его склоне, почти на самой вершине лицом к Оушен Бич, глядя на то, как солнце, завершив свой путь по земным странам,

погружается в Великий Океан. На этом грандиозном фоне, город кажется маленьким поселком. Трогательным в своем тщеславии. Лягушечка, пытающаяся стать больше слона. Город даже ночью боялся показаться скучным и весело шумел, переливаясь огнями автомобилей и наружной рекламы. Я смотрел на ночной Сан-Франциско. Еще одна цивилизация, мнящая себя последней, не сомневающаяся в своем праве выносить суждения. Но кто из них знает, что все дела в мире происходят одновременно? И сейчас, на этом месте, возможно, в эту землю уже вонзается лопата археолога будущего и появляются на свет наши кости, которые пролежали в земле несколько десятков тысячелетий. А мы и дальше будем самонадеянно думать, что безобразие, затеянное нами на этом живописном месте, настолько важно, что творец не сотрет его с лица земли, наслав очередное землетрясение? Творец похож на художника, который делает наброски и в то же самое мгновение их рвет, если они, по его мнению, неудачны. Когда-то на этот берег впервые пришли люди. Они были первыми здесь. Подумать! Когда-то они отсюда уйдут навсегда. Уйдут не в прямом смысле, в поисках новых мест, а уйдут туда, куда уходят все завершившие свой земной путь. Все человечество когда-то уйдет. Человечество подобно отдельному человеку. В нем есть и свое рождение, и своя смерть. Одним, глупцам свойственно мыслить себя бессмертными.

Нет, я не поеду на Кавказ завтра, не поеду на следующий год. Но я знаю, где будет стоять мой дом, в котором я встречу

свой переход в вечность, спустя которую, несколько атомов моего тела возможно будут извлечены из праха, и я буду по ним воссоздан, чтобы узнать, ради чего все начиналось и заканчивалось бесчисленное число раз.

Я смотрел на темный простор с оранжевым горизонтом. Затем, закрыл глаза и увидел совсем другое. Желтый степной горизонт, огромные птицы, предки современных орлов, медленно рисующие круги в яркой синеве неба без единого белого пятнышка над головой и, далеко на юге, за горизонтом, на потускневшей, выцветшей синеве величественные горы, как нарисованные на голубом холсте, всеми мыслимыми оттенками голубого. Я увидел гигантский тающий ледник и потоки огромных, больше, чем Обь или Миссисипи рек, несущие миллионы тон гальки и роющие на земной коре гигантские желоба, которые потом заполнятся прохладными пойменными лесами, когда реки иссякнут и уйдут под поверхность. Они до сих пор там текут, невидимые для глаз.

Наташа

Ведьма или ангел, птица или зверь,
Вернись – я оставлю открытым окно
И незапертой дверь.
Смерть или спасение, свет или тьма,
Если не вернешься – я впервые узнаю
Как сходят с ума.

Илья Кормильцев

В один из дней лета, 1995 года, на тополиной аллее города Н-ска появился молодой человек. Он не был посланцем сатаны, как иногда выясняется из дальнейшего повествования. Он не был, однако, и ангелом, и это так же выяснится, если читатель наберется терпения дочитать до конца эту банальную повесть. Это был обычный для 1995 года человек на улице обычного города, в обычный день обычного лета. Лето уже перевалило за середину, и на аллее летали первые желтые листья. Но тополя были еще густые, и пожелтевшие беглецы не портили общей картины полнокровной провинциальной жизни. Молодого человека звали Иван С-в, и он собирался влиться в эту жизнь. Он шел устраиваться на работу. Место его работы находилось в белом трехэтажном здании, заметном издалека среди одноэтажных домов Н-ска и Иван легко его нашел по описанию своей мамы. Он пришел раньше назначенного времени и теперь ходил взад и вперед по аллее, размышляя. Решив закурить, он сел на пустой автобусной остановке, почти напротив трехэтажного здания.

Иван смотрел на здание своей новой работы (в дальнейшем просто здание). Своей новой жизни. Какие мои годы, думал он? Самое время попробовать начать все заново. Вот так выглядит она, синичка в моей руке.

До назначенной встречи остается десять минут, и Иван си-

дит на автобусной остановке с сигаретой ЛМ в городе Н-ске. Этот город – его родной, и он правда начинается на Н- и заканчивается на –ск, как великое множество других городов. Само по себе это ни о чем не говорит, ничего не предвещает. Простое совпадение, которое лишь болезненно подчеркивает типичность того, что происходит сейчас с Иваном. Автобусная остановка, тоже одно название, остановка на которой не останавливаются автобусы. И дорога, по которой нельзя проехать. Выбоины, расположенные в шахматном порядке. Водители в своем стремлении объехать разбили улицу до тротуаров. Иван не осознаёт, что этот день – часть года, а тот в свою очередь середина десятилетия. Того самого, которое войдет в историю страны как десятилетие страха и позора. Во-первых, осознание позора где-то в будущем. Во-вторых, Ивана не волнует политика. Его не задевает абсурд и разруха вокруг него. Гораздо хуже, что у него внутри тоже разруха. Ему двадцать семь лет. Это не очень много, но и, увы, немало. К этому возрасту уже кое-что должно быть сделано. А что успел сделать Иван? Успел кончить универ, отслужить в армии. Снова куда-то поступить и бросить, отучившись курс. Жизнь приобрела устойчивый привкус хаотичности и необязательности. Иван, плохо чувствующий вовне, тонко чувствует внутри. И то, что он там чувствует, ему не помогает. Способности к наукам, понимание музыки, живописи, поэтический талант. Все ушло куда-то в сторону и не получает продолжения. Скитания по столице,

все новые и новые лица, лица без конца. Это утомило. Он решил со всеми порвать и начать с чистого листа. Начать просто устроенную жизнь, жизнь без амбиций. В общем, он не знал, что ему делать со своей жизнью. Это было новым для него состоянием. Его жизнь вдруг стала только его жизнью и никого другого не касалась. А Иван привык получать предложения. Он привык, к тому, что у него, как у девушки на балу, все танцы расписаны наперед. Раньше умные и знающие ставили ему физические и математические проблемы, и он талантливо и нестандартно их решал. Его устраивало, что окружающий мир является ему в форме проблемы. Но его тяготило заниматься собой. Он не признавал, что сам для себя является проблемой.

Белое кирпичное здание издалека пахло горячей смолой. Не такой уж плохой запах для начала новой жизни. Что бы начать новую главу нужно починить в доме крышу. Есть люди, которым не импонирует смола как субстанция, но Иван был не из их числа. Ему нравилось все черное, а смола была черной. В детстве он мог часами тянуть смолистые нити, любясь их глянцем. Он жалел о том, что сам был блондином. Зато черными были джинсы, и старые замшевые кроссовки «Адидас» тоже. Ради этой черноты Иван каждый вечер сидел над ними с резиновой щеткой. Докурив свой ЛМ, Иван двинулся на встречу с работодателем.

Здание, во двор которого он зашел, родилось, как и он сам, в прошлой эпохе и пыталось вжиться в текущую. Эпохи

менялись, и у зданий не было выбора. Иногда чтобы двигаться надо стоять на одном месте, вспомнилось Ивану. Вжиться в новую эпоху у здания получалось плохо. Как у Ивана. Печати предыдущей эпохи, ее родовые пятна и хронические болезни не желали стираться и излечиваться. Силикатные кирпичи разного размера, положенные вкривь и вкось. Высыпавшийся из щелей песок, в который не доложили цемента. Водосточные трубы в потеках смолы довершали жалкий вид. Иван почувствовал, что это место его ждало. Вернее, его что-то ждало в этом месте. Но он еще не понимал, что именно.

Можно ли в таком месте любить, создавать? Скорее всего, он станет еще одним предметом этого пейзажа, как это здание, как автобусная остановка, на которой он сидел. Он много не знал. Кое-что он не знал из-за того, что был интроверт, другое, потому что не пришло время. Он не знал, что ограда, в которую он вошел, есть в другом месте города, а именно перед домом его будущей начальницы. Часть ограды она умыкнула при строительстве. Здание было донором. Оно делилось собой с теми, кто берет не спрашивая. Таковы были реалии мира, но Иван об этом не подозревал, живя в мире иллюзорном, мире замысловатых мыслеформ, кварков и расширяющихся вселенных. Он, тоже был донором.

Иван сидел перед своей будущей начальницей, глядя на ее сморщенное словно сушеное яблочко лицо, и произвольно изучал ее, и обстановку ее кабинета. Он изучал нечаянно, ибо ничто в ней не было ему интересно. Его не интересова-

ла ни одна мысль в ее голове. Он был равнодушен к ее прошлому и будущему. Он смотрел на эту состарившуюся женщину, как на существо. В нем не волновалось от понимания того, что оно достигло общественного уровня и должности, которая допускала брать не спрашивая. От этой женщины не пахло тем ветром, который мог заставить биться его сердце. Она не прочла ни одной книги из числа тех, которые прочел он. Ее лицо не посещала ни одно из женских выражений, которые могли его околдовать. Это было еще одно лицо в череде лиц, которые он успел увидеть в жизни.

Иван давно заметил, что лица людей, которые он успел увидеть в жизни, чередуются. Он вывел из этого, что чередуются, бесконечно повторяясь, сами люди. Раньше это был еще один повод считать мир людей скучным, и жить в мире теоретических выкладок. Но затем, он понял, что у этого явления была причина и была также цель. Причина была та же самая, что и причина общего сходства анатомического строения млекопитающих. Что-то связанное с симметрией мира, в пределах которого происходила их эволюция. А то, что в любом социуме один и тот же набор типажей, было целесообразно. Это ускоряло адаптацию на новом месте жизни или деятельности. Не надо было тратить время на изучение характеров, притирку менталитетов. Теперь Ивана восхищала сложность и продуманность социума, в котором он жил, и он закрывал глаза на мелкие его недостатки, понимая их неизбежность. Сейчас социум протянул к нему одно из своих

дружественных щупалец.

Его визави, невысокая, миловидная, моложавая, вполне довольная собой Валечка, когда-то в молодости разбивала чьи-то сердца. Состарившись, она открыла в себе непереносимую страсть к стяжательству и мнимому почету. Ее критериями были богатство и социальный статус.

Валентина Николаевна с интересом разглядывала сыночка бывшей подруги. Она смотрела на него с интересом, с которым стареющие женщины смотрят на юношей, одновременно сравнивая его со своим собственным исчадием. Поняв, что свой, бывший наркоман, находящийся на лечении, проигрывает от сравнения с чужим, она тут же утешила себя тем, что ее старшая дочь от сравнения выигрывает. Работа в регистрационной палате, была удобной платформой для будущего карьерного прыжка, а сейчас приносила достаток, пока в виде мелких взяток. А что, сейчас все так живут!

Валентину Николаевну смущал вопрос, почему бывшая подруга Галька, которая обладала не меньшими связями, чем она, не устроила сына в какую-нибудь бластную контору, а сует его на одну из низших, малооплачиваемых должностей. Но Галька всегда была с причудами. Чего стоило ее позволение сыну поступить на этот «физтех». Вот результат. Не смог найти работу! Кому сейчас нужны ученые? Стреляются, или бегут за границу. Единственная извилина, которой обладала Валечка, тут же отнесла этот факт в большой раздел явлений с заголовком «Блажь», куда отправлялись все людские по-

ступки, которых она не понимала. Социум, как и вселенная, частью которой он (социум) был, был для Валечки предельно прост. Она цинично считала себя счастливой и покровительственно относилась к молодым неопытным.

– Что окончил?

– Московский физико-технический институт.

– Специальность?

– Физик.

Валентина Николаевна наморщила свой и без того сморщенный лоб.

– Нам прислали компьютер. Разберешься?

– Попытаюсь.

– Тогда пиши заявление о приеме на работу на должность техника. Трудовая книжка есть?

– Как это ни странно, да. Хотя я ни дня не работал по специальности, но трудовой стаж в размере двух месяцев у меня есть.

– И где же ты работал?

– Разнорабочим на стройке, – и, видя удивление, на которое рассчитывал, Иван добавил, – в студенческом отряде.

Ему удалось вызвать улыбку. Он, не сознавал, что был довольно приятным в общении молодым человеком. Шутил он, всегда, над самим собой, не задевая чужого самолюбия. К людям он был равнодушен, и это принималось за вежливое участие. Многие в беседе с ним откровенничали, охотно говорили по душам, сообщая о себе вещи, о которых не до-

гадывались их близкие.

Так и сейчас. Валентине Николаевне, которой было скучно на работе, и которая обычно заполняла эту скуку сплетнями и интригами, захотелось поговорить. Она рассказала Ванечке о том, что она помнит его умненьким светловолосым мальчиком, с точеным личиком. О том, что ее муж и отец Ванечки работали вместе инструкторами в райкоме партии, несколько лет сидели в одном кабинете и даже дружили.

Стала расспрашивать Ивана, где он был, чем занимался. Иван честно рассказал ей всю эпопею своего отсутствия в городе. Ему казалось, что он не был здесь целую вечность. Хотя, он должен признать, город изменился мало. Знакомые и друзья детства только куда-то подевались.

– А у меня как раз работает твоя знакомая. Ты точно должен был ее знать, – с энтузиазмом прервала его Валентина Николаевна, – Теперь у нее фамилия мужа, а до замужества она была, кажется, Семеновой.

– Наташа? – спросил Иван.

– Да, Наталья Михайловна. Теперь она Минаева, их ребенку 5 лет.

– Мы учились в одном классе.

– Вот и прекрасно. Как минимум один знакомый человек на новом месте. Легко будет вливаться в коллектив. Она сидит в кабинете 15 на первом этаже. У тебя будет кабинет 32 на третьем. Пиши заявление и отправляйся к завхозу за ключами и компьютером.

С чувством, что ему ампутировали голову, Иван вышел из кабинета директора. Он шел по первому этажу с мыслью, а не развернуться ли и дать деру из этого болота, как увидел молодую женщину, одну из сотрудниц. Он скорчил вежливое лицо и приготовился здороваться.

Когда Валентина Николаевна, в своем разговоре упомянула Наташу, что-то тихонько кольнуло Ивана и тотчас отпустило, потонув в потоке панических мыслей об утрате свободы. Наташа была его первой, неудачной любовью. Эту любовь он пережил честно, в самой тяжелой форме, как переживают тяжелую болезнь. Потом он редко вспоминал о ней. Редко, потому что образ Наташи заслонило множество других увлечений, вернее он позволил увлечениям заслонить ее образ. Он открыл для себя мир математики и теоретической физики. У него появились друзья, которые научили его смело мыслить о всех явлениях этого мира, и любовь, его любовь к Наташе, в частности, оказались в длинном их списке, причем не в начале. Лучший студент курса, любимчик профессоров, он пребывал в эйфории от сознания своей причастности к тайнам природы, к переднему краю познания. Короче, Ивану некогда было думать о Наташе, и он был уверен, что он ее забыл.

А сейчас, когда она оказалась на расстоянии вытянутой руки, она словно ожила, снова разрослась в нечто яркое, в переживание, заполнив собой его настоящее. Так увеличивается в объеме информация, распакованная из архивиро-

ванного файла.

– Здравствуй, Наташа, – сказал он остановившись.

Наташа, как будто только что увидев, озарила чем-то хорошим свое лицо:

– О, привет, это ты?

– Не ожидала?

– Да, не ожидала.

– А я тоже не ожидал. Такая яркая девушка как ты должна, по моим расчетам оказаться где угодно, в Москве, Нью-Йорке, но только не в этом захолустном городе.

Развернутая реплика, с комплементом в качестве начинки, подействовала. Наташа еще раз улыбнулась.

– Что, ты, Ваня! Я очень домашний человек. Мне достаточно нашего городка, и своей работы. А вот ты, с твоим умом и талантом, как оказался здесь?

– Честно говоря, сам не понял. Возможно, захотел еще раз увидеть тебя.

Наташа рассмеялась. Она всегда позитивно реагировала на юмор Ивана, на его манеру говорить шутками, которая остальных не раз доводила до белого каления. Однажды, в разговоре «по душам», его товарищ по курсу, сказал, что не может понять, говорит Иван в шутку, или в серьез. Иван задумался, и ответил, что все, что он говорит, он говорит всерьез, но в шутливой форме. «А я думаю, что ты смеешься над всеми, – сказал друг, – и это напрягает». «Может быть», – сказал Иван, хотя в людях он не видел ничего смешного.

– Я в 15 кабинете. Заходи в перерыв. Будем пить чай.
– Хорошо.

Через неделю на новом компьютере Ивана сотрудники учреждения по очереди играли в «Сапера». Появились чемпионы и рекордсмены. Другие программы сотрудников не интересовали. Иван понял, чем провинция отличается от столицы. Но правила он принял не обсуждая. Они оставляли ему личное пространство и бездну свободного времени. Хотя, были на его взгляд идиотскими.

На работу он шел с легкой душой и томиком Хайдеггера. Валечка не загружала его работой. Совсем он все же не бездельничал. Сотрудники стали ходить к нему со своими затруднениями, и он, помогал их решать. Он делал это инстинктивно, по привычке. Ему требовалось пять минут, чтобы загрузить в голову любой профессиональный функционал. Еще (в среднем) час уходил на решение самой проблемы. Иногда приходилось посидеть, тоже по привычке, ночью. И, в любом случае, наутро проблема получала решение, которого она ждала до этого лет пять. В атмосфере учреждения, напоминавшей тройной одеколон, появилась, как говорят парфюмеры, новая нотка. Возможно, интрига. Валечке докладывали о росте показателей, не докладывая о его причине. Иван стал точкой притяжения, и другой на его месте извлек бы что-нибудь из этого. Но Ивана все устраивало. Он стал ловить себя на том, что с нетерпением ожидает обеден-

ного перерыва. В условленное время он заходил в 15-й кабинет. Трое сотрудниц были горды его приходами. Иван не замечал их негласного соперничества. Вежливо поддерживал беседы на бытовые темы.

– Ирина Владимировна, Вы... – начал он. У Ирины Владимировны сползла с лица улыбка. Наташа метнула в нее насмешливый взгляд.

– Ванюша, неужели я такая старая. Зови меня просто Ирой. И, пожалуйста, на «ты»

– Хорошо, – не смутился Иван, – это была простая вежливость, пожалуйста, не принимай близко к сердцу.

Ирина была женщиной бальзаковского возраста, и на ее основательно наштукатуренном лице отчетливо проступали черты ее идущего под откос характера. Иван плохо разобрался в женских характерах, и не знал, что главной бедой Ирины была зависть. Но сейчас она изо всех сил старалась быть душкой.

– Такие книги ты читаешь! – перехватила разговор Татьяна.

– Какие такие?

– Здесь никто таких не читает. Ты правда понимаешь, что там написано?

– Это не просто, но я стараюсь.

– А зачем это тебе. Почитал бы что-нибудь легкое, развлекательное.

Иван задумался. Он, по своей оторванности от людей каждую незначительную реплику, адресованную ему, воспринимал всерьез. Он не видел, что сейчас он находится в роли переходящего приза, которым, почти минуту владеет Татьяна. В то время как ее подруги наливаются из-за этого желчью. Но у него была своя игра, которую не замечали все трое. Он ловил голос Наташи. От этого голоса ему было болезненно хорошо. А еще он ловил ее взгляд. Взгляд, который первые дни их возобновленного знакомства почти не задерживался на нем. А теперь этот взгляд все чаще на нем останавливался. Темные карие глаза с каждым днем притягивались к нему все сильнее.

– Видишь ли, Таня, для меня чтение не развлечение, вернее я стараюсь не превращать его в развлечение. Я ушел от того, чтобы развлекаться, мне это не требуется.

– Как же ты живешь, – насмешливо сказала Татьяна, привыкшая к тому, что мужчины восхищаются ее умом, каждый раз, когда она ляпает глупость,

– Это какая-то скучная жизнь, от которой можно сойти с ума. Не жизнь, а существование.

Иван стукнул ладонью по столу. Товарки подскочили на своих стульях.

– В точку! – воскликнул он, – Таня, ты не представляешь, насколько точно ты повторила тезис Декарта. «Мыслю, следовательно, существую» – мы существуем поскольку мыслим. Это справедливо для нас, людей. Наше бытие тожде-

ственно нашему мышлению. Мыслить наш удел.

В комнате висела тишина. Девочки красноречиво переглянулись за спиной Ивана.

– Вань, вкрадчиво сказала Наташа, – в нашем городе нет таких, как ты.

Иван шел с Наташей по тротуару. Осень, синее небо, почти облетевшие тополя. Ему перестало хватать чаепитий, в присутствии двух Наташиных подруг, и он стал провожать ее после работы. Им действительно было по пути, нужно было только подкараулить Наташу, чтобы выйти из здания вместе.

Наташа не спеша шагала по тополиной аллее. Ее взгляд был задумчив. Ивану удобно было скользить глазами по ее лицу, когда она вот так, делала вид задумчивости, и не встречалась с ним глазами. Ему нравилось ее лицо в таком состоянии.

С какого-то момента Наташа перестала хихикать над его словами. Понимать его лучше она не стала, но чутье подсказало ей, что лучше сделать вид, что она его внимательно слушает. Внутри себя можно было думать о чем угодно, например, что приготовить на ужин, или о том, что у нее сегодня большая глажка. Иногда ее мысли приобретали неприличный оттенок. Иван в эти мгновения ловил особенно понимающие взгляды. Иван, склонный к донкихотству, воображал, что в лице Наташи он обретает свою музу. Но Наташе был безразличен Иван. А также Петр, Сергей и остальные

мужчины, населяющие землю. Их было много, и все они обращали на нее внимание. Наташа могла выбирать. Эта здоровая молодая особь управлялась здоровыми женскими инстинктами. И при контакте с мужчиной, она безошибочно определяла главное: здоров ли он.

На улице снег. Он падает и быстро тает на земле. Только на деревьях задержалась снежная бахрома, как напоминание о близости Нового года. Иван, Наташа, Ирина и Татьяна клеят обои в новой квартире Ирины. Иван вернулся в атмосферу студенческого отряда. Пустая комната, крашеный дощатый пол, голые окна, эхо их голосов. Наташа пришла в пальто с меховым воротником и золотистой шали, замотанной вокруг головы и расправленной на спине. Она пришла из семейного уюта, определенности и распорядка. Есть женщины в русских селеньях. Но когда она разоблачилась, под пальто оказалась футболка без рукавов и лосины в широкую продольную бело-зеленую полоску. «Афродита», – подумал Иван. Остальные его мысли потонули в восторге, как местность погружается под воду во время паводка. Наташа откровенно флиртовала с ним. Смена обстановки и одежды ее преобразила. Словно жизнь началась сначала. Она не мать и жена, а девчонка студенточка, ей можно шутить и заигрывать со всеми. Когда он рукой давил комочки клея в пластмассовом ведре, она тоже погрузила в клей свои руки и там стала ловить его. Поймав, она сильно сдавливала его руку в сво-

их ладонях, заставляя ее выскальзывать, как выскальзывает пойманная рыба, холодная и скользкая. Ее открытая шея была совсем близко от него, и он щекой чувствовал тепло, исходящее от Наташиного тела. Инфракрасные лучи, вспомнил он. Много инфракрасных лучей.

Когда он поднес к стене на вытянутых руках обойный лист, она подобралась к нему сзади и долго поцеловала в основание шеи. По позвоночнику побежали сверху вниз мурашки. Он кое-как наклеил лист на стену, повернулся, и она оказалась в объятиях, и их губы впервые встретились. Подарив поцелуй, она вырвалась от него и показала ему язык. Она порхала вокруг него как ласточка, а он чувствовал себя медведем. Это не было неприятной неловкостью, это входило в его роль, в условия этой игры. Она была очень смешлива, одна шалость следовала за другой.

Потом они справляли новоселье, расстелив газеты на полу. Выпили вина. Наташа развязно смеялась и задирала подруг. Она бросала на Ивана взгляды сообщницы. Иван, напротив, был очень великодушен и внимателен к двум непосвященным одиноким женщинам. Расстались они на улице, перед этим снова поцеловались на лестнице. Иван был в эйфории, и его задело сухое прощание Наташи, которая снова превратилась замужнюю даму.

– Надо было подольше задержаться в подъезде, – сказала она, видя его разочарование.

Новогодний корпоратив. До самого Нового года еще неделя. Причудливая южная зима подарила несколько морозных дней. Иван словно вынырнул из тумана. Семейные привели свои половины. Иван впервые увидел мужа Наташи. Ушат холодной воды. Он привык считать Наташу своей. Не женой и не подругой. Это было что-то среднее между тем и другим. Объятия и поцелуи при каждом оставании наедине, обмен нежными взглядами стали привычными, и Иван чувствовал его нехватку по субботам и воскресеньям. Иван ушел с корпоратива раньше всех, и, отклонившись с постоянного маршрута, пошел в лес. Этот пойменный лес был его конфидендом. Когда ему требовалось дружеское участие, Иван шел в лес, и, бродя в одиночестве по его запутанным дорожкам, рассуждал вслух. Лес внимательно слушал, подрагивая ветвями голых деревьев. Что происходит между мной и Наташей, говорил он, обращаясь к покрытым заиндевевшей травой склонам? Ответ очевиден. Болезнь, которой я заразился подростком, перешла в хроническую форму. Я думал, что я забыл ее, эту хрупкую девочку Наташу, с каштановыми волосами, вздернутым носиком и карими глазами. И вот, она вернулась ко мне, прежняя и одновременно новая. Эта мальчишеская греза, за время разлуки налилась соком женственности. Напиток, который хочется выпить залпом, не думая о последствиях. О ее пятилетней дочери, темноглазой копии Наташи, о ее муже, бывшем офицере, уволившемся из вооруженных сил, чтобы не воевать в горячих

точках. Все прошлое, настоящее и будущее исчезло, когда я снова встретил ее. Нет неудач в столице, нет удушливой провинции, есть только ее извечная женственность, чудо ее грации, линии тела, по которым зрачок бежит, как алмазная игла бежит по дорожкам грампластинки, и слух наполняется беззвучной музыкой, наподобие той, что слышал глухой Бетховен, сочинявший «Оду к радости». К чему эта глупая принадлежность одного человека другому. Красота должна быть достоянием того, кто ее видит, кто ее понимает. Что я увидел сегодня, почему у меня упало сердце? Наташа, как дрессированная собака подошла к ноге своего хозяина. У нее есть хозяин, как у вещи. И она рада его власти над собой. Это ее выбор.

Не помня как, он вернулся домой и что-то наплел на вопрос мамы. Женщины, которой он при рождении пообещал стать благополучным и успешным. Зачем ей знать, что он безнадежно запутался, и его успех откладывается, скорее всего, навсегда. Прежде всего, он должен самому себе. Стать совершенным, даже если для этого придется пройти через ад и чистилище. Я слишком обусловлен и не самодостаточен. Хватит искать счастья в несовершенном мире. В данный момент нужно отключиться от Наташи и мамы и дочитать Хайдеггера. Я обязан прикоснуться к Дазайн, но меня, как болото, засасывает Геререде.

На другой день, он не пошел пить чай. На третий тоже. На четвертой его встретила в коридоре Наташа и пригвоздила

своими темными глазами.

– Ты куда пропал?

– Просто много работы.

– А я подумала, что кто-то плохо перенес знакомство с мужем своей...

– И это тоже. Скажи, кто я для тебя, зачем я тебе нужен?

– Ты нужен, чтобы мне было не скучно пить чай. Придешь.

– Сегодня приду.

Снова все пошло как прежде. Снег на улице растаял, вернулось время туманов и слякоти. День за днем. Время летело незаметно, приближаясь к весне, а у Ивана нарастало ощущение приближающегося конца. Наташа становилась частью его, принадлежа другому мужчине. Он не знал, во что в конечном итоге это выльется. Один из вариантов развязки предложил его новый друг Виктор. У Виктора он иногда ночевал, когда, увлекшись разговором, засиживался допоздна. Иван любил прежние физтеховские словесные баталии по накалу напоминавшие пляску людоедов вокруг пиршественного костра. В огонь праздника летели Кант, Ницше, Христос, Будда, Ньютон. В жертву полемике приносилось все, авторитетов не существовало. Молодой цинизм и пошлость вперемешку с гениальными идеями растворялись в алкоголе и текли рекой. Не каждый мог выдержать столь крепкий напиток.

Виктор был слабой заменой. Он был зауряден и спасался

от этого эзотерикой. Однобокий и ограниченный, он обрадовался, узнав, что у Ивана есть все тома Кастанеды и пригласил его к себе. Иван был посвящен в тайну Виктора. Виктор, у которого жена сбежала на Сахалин с двоюродным братом, был магом. Двое бывших спецназовцев, друзей Виктора, тоже были адептами дона Хуана. Они набросились на Ивана в надежде, что он войдет в их круг. Но Иван был равнодушен к потустороннему. Он не понимал троих друзей, испытывавших шок от столкновения с реальностью, и теперь бегущих от нее. Притворяясь, что они ощущают присутствие незримых сил, они закрывали глаза на очевидное. В их головах, в их жизни, в их домах царил беспорядок, окна заплела паутина, а дворы превратились в свалку и заросли бурьяном. В итоге, они отстали от Ивана, решив, что у него еще не открылся третий глаз, чтобы видеть сакральное. Но Иван продолжал приходить к Виктору, пить вино и терроризировать своими монологами о поэзии.

В одну из таких встреч они заговорили о Наташе. Виктор, хотя смотрел на мир глазами мага Карлоса Кастанеды, волшебство, которое творилось с Иваном, понимал просто.

– Ты с ней уже переспал?

– Почему ты спрашиваешь?

– На работе всем интересно, дошло у вас с ней до постели или еще нет.

– Может, и не дойдет. Разве все дело в постели?

– А ты как думал!

– Я думал по-другому.

– У тебя ничего не выйдет. Муж ее не отпустит. Если понадобится, он может и ребенка отобрать, а саму голой выгонит из дома. Что с тобой, Иван?

Ивана накрыла волна безысходности. Его существование было никчемным. В мире, где люди всему знают цену и где на все есть трезвый расчет, он почувствовал себя одиноким и крошечным. Дыхание перехватило на полупhrазе, и из глаз закапали слезы.

– Ваня, перестань, перестань! – вдруг начал истошно вопить Виктор. Почему он так испугался моих слез?

– Убей Константина, женись на Наташе, но только не надо плакать. Прости, я не знал, что для тебя это так серьезно. У нас так серьезно никто к этим вещам не относится. Почти все друг другу наскучили, у всех есть любовники или любовницы!

– О чем ты говоришь, Виктор! Они живут вместе уже пять лет. У них ребенок. Ты считаешь, что я должен разрушить их семью? Да я близко такого не хотел!

Сбитый с толку Виктор пролепетал:

– Тогда что ты хочешь? Разве тебе не нужен секс с шикарной бабой? Ведь она сама дать готова. У нее что-то не клеится с мужем, а ты ей нравишься. Все карты в твоих руках. Кто может от такого отказаться, когда оно само идет в руки? Я бы на твоём месте...

– Я не знаю, чего я хочу. Мне нужно видеть Наташу, слы-

шать ее голос. Только это дает мне то, что, наверное, люди называют ощущением счастья. Разве это преступление смотреть на женщину и слушать ее голос? Но я почему-то чувствую себя вором. И не пойму почему. Я пытаюсь разобраться, но у меня не получается. Я ловлю на себе понимающие взгляды. Ты сейчас сказал, что следишь за тем, что происходит со мной и с ней. Именно это меня смущает. Перестаем быть я и Наташа. Мне в голову лезут какие-то законы, мысли других людей...

– А как ты хотел?

– Не знаю, я ничего сейчас не знаю. Налей еще вина, я не хочу постоянно думать, о том прав я или не прав по отношению к Наташе, ее ребенку, ее мужу, себе.

Виктор налил вино в большой бокал и Иван, прикладываясь к нему, почувствовал, что он входит в набегающие волны моря, которые его закачали, повалили с ног и все исчезло.

Снова весна. Любимое время года Ивана. Как будто жизнь началась еще один раз. Даже старые вещи зажили по-новому. Весенний воздух будоражил Ивана, и тупик, в который он себя загнал, перестал казаться концом дороги. Повсюду мерещились лазейки, счастливые случайности, которые могут все перевернуть и склонить историю к хэппиэнду. Он шел с Наташей по их (теперь уже их) тополиной аллее. Он шел слева и немного сзади, чтобы видеть ее походку. Одно из чудес света решил он. Наташа изредка оборачивалась, ловила

его взгляд и смеялась. Ей нравилось быть объектом внимания. Ее занятый бизнесом муж, не был щедр на такое. Она регулярно получала подарки в виде духов, драгоценностей, вещей. Их секс с мужем был на высоте. Ей не хватало такого взгляда, каким Иван смотрел на ее походку.

— Иногда по ночам, когда я получаю все тридцать три земных удовольствия в объятиях Константина, я боюсь только одного, что я назову его «Ваня», — призналась она.

Это было откровенное предложение себя. Иван чувствовал, что Наташу начинает тяготить его платонизм. Не этого ожидала от него Наташа, когда решила возобновить их знакомство. Он был подходящей кандидатурой для того, чтобы она могла наказать своего супруга, за повелительность и сухость. В семейной жизни ей не хватало романтики, ее угнетало то, что для других было удобным порядком вещей. Строя совместную жизнь по шаблону, заданному еще Адамом и Евой, они с Костей улучшали свой быт. Но когда их быт наладился, то вещи, которые для новобрачных служат крупинками счастья, стали повседневными и деловитыми. Наподобие чистки зубов. Возможно, злую шутку с Наташей сыграл ранний брак. Она не догуляла, не дополучила причитающуюся ей долю обожания и беззаботной жизни. Костя был завидным женихом и ее родители, и она сама решили не терять этот шанс на обеспеченное будущее. В первый же год родился ребенок, и Наташа поняла, что ее обокрали. Теперь она постоянно искала шанс вернуть свое. Она, конечно, не

умела себя анализировать, и от супружеской измены ее уберегла только работа в женском коллективе и отсутствие в ее окружении подходящей кандидатуры на внебрачную связь. Константин же, почти не таясь, погуливал с официантками кафе, хозяином которого он был. Но мужчинам сходит с рук и не такое.

– Скажи, Ваня, ведь то, что мы с тобой делаем для тебя не игра? – спросила Наташа, остановившись.

Иван, ожидал всего, но только не такого вопроса. Постоянно пытаясь стряхнуть с себя ощущение своей виновности, он не думал, что к роману с замужней женщиной можно отнести как к игре. Задававшая этот вопрос замужняя женщина не понимала, как к такой интрижке можно относиться иначе. Она не была способна на безоглядное погружение в омут страсти, на роковой шаг. Ее здоровая натура требовала небольшого разнообразия на фоне скучного благополучия и стабильности. Своим вопросом он хотела немного пошевелить Ивана, который развлекал ее лишь речами, в основном для нее непонятными.

– Я чувствую себя плохим человеком. Я тебя люблю (это избитое предложение стало его любимым), но боюсь, что моя любовь может принести тебе несчастье.

– О чем ты говоришь, ты можешь принести мне только счастье, ты самый лучший из людей, которых я встречала в жизни. Посмотри вокруг, ты лучше их всех вместе взятых!

Иван горько усмехнулся. Однако, лезть Наташи подей-

ствовала благотворно. Он почувствовал прилив вдохновения. Именно способность переживать разнообразные эмоции делала его непохожим на местную публику, привыкшую ценить в жизни совсем другие стороны. Не будет неправдой сказать, что именно это привлекло к нему Наташу. Несмотря на свою ограниченность, она понимала, что присутствует и даже является причиной чего-то необычного. Не настолько яркого, что способно заменить собой секс, но великолепного в качестве его оригинального оформления.

– Они не виноваты, Наташа, – воскликнул Иван. Легко быть интересным человеком, когда ты живешь в каком-нибудь культурном центре, в средоточии русского или европейского духа. Когда ты ходишь по улицам, и в тебя входят идеи, излагаемые неслышным языком архитектуры. Там, даже не интересуясь ничем, просто спеша по своим делам ты изучаешь историю своей страны, народов, земли. Здесь – окраина мира, дикая степь. Ее заселили личности, вытесненные на периферию, на границы. Те, которым не нашлось места в центрах. Они порвали с одной общностью, но не сформировали другую.

– Неужели в нашем городе нет ничего интересного? Может, есть неизвестные факты? Может, люди не умеют искать? – спросила Наташа. – А давай поиграем в такую игру. Мы хотим завлечь в наш, заунывный провинциальный городишко туристов. Мы должны написать рекламный проспект, который заставит их отказаться от поездки «По Золотому

кольцу» и приехать сюда. Чем мы можем их соблазнить?

– Можно попробовать. Я начал бы так. Путешественники, любители старины! В нашем городе есть много достопримечательностей. Как в каждом, уважающем себя, провинциальном городе, у нас есть все, что должно быть. Есть главная площадь, с памятником Ленину, трибуной и елями по периметру. Есть дворец культуры, парк и стадион. Есть купеческий дом девятнадцатого века. В доме есть музей. Увидев все это, вы испытаете чувство дежавю и спросите себя, что из этого вы не видели в других местах? И будете правы!

Это есть везде. Но знайте, главную свою достопримечательность наш город не показывает никому. Более того, о ней не знают даже его жители. Ее не видят. И это не потому, что она спрятана. Она на самом виду. Ее стараются прикрыть строениями, парками, дорогами, но она выглядывает из-под них, рушит и уничтожает их тысячелетие за тысячелетием. Это земля. Древняя, земля, дававшая приют скифам, аланам, сарматам. Они жили на ней в тысячу раз дольше, чем живем мы, покоряли ее, обустроивали, переделывали под себя, но оставили в итоге нетронутой. Земля переходит из рук в руки, оставаясь ничьей. Не принадлежит она и нам, давая лишь временный приют. Приезжайте сюда, чтобы встретить вселенную, в которой вы гости...

Наташа, немного отстранясь, смотрела на Ивана, имитируя восхищение.

– Тебе надо писать стихи, никогда не пробовал?

– Пробовал. И даже пишу. Но это не мое дело.

– Почему. Ты думаешь, они плохие?

– Об этом не мне судить. Допускаю, что в них что-то есть.

Но они не то, что я хотел бы. Мне не нравится то, что выходит из меня.

В глазах Наташи вспыхнул огонек. Она была любопытна.

– Дай почитать.

– Это исключено.

– Зачем же ты их писал?

– Было повеление свыше. Я не знаю для чего или для кого.

Может быть ни для кого.

– Но это же скучно!

– Могу попробовать сочинить для тебя.

– Это тоже повеление свыше?

– Это должно быть твое повеление.

– Тогда сочиняй!

Он подошел к скамейке возле чьего-то дома. Достав из портфеля ручку и чистый лист несколько минут сидел задумавшись. Рядом ерзала Наташа. Вот кому нужны все тридцать три удовольствия. И она их получит. Не со мной, так с другим. А что останется мне? Уловив идею, он быстро написал.

Я не могу мечтать о том,

Что буду жить с тобой вдвоем.

Я не могу поверить чуду,
Что я с тобою счастлив буду.

То и другое не дано.
Я это помню. Помню, но

Я просто верю в то, что лето
Нам принесет немного света,

И что отзывчивые грозы
Дождем омоют наши слезы.

– Да, ты настоящий поэт!

– Может быть. Прекращай издеваться.

– Я и не думала, – сказала Наташа, хотя на самом деле она всегда реагировала насмешкой на все, что выходило из-под ее контроля.

– А у тебя много стихов?

– Есть еще, но тебе они вряд ли понравятся. То, что я сочинил сейчас, самое доброе и жизнерадостное из них.

– Обязательно хочу почитать? Почему ты не издашь книгу своих стихов?

Иван улыбнулся. Фраза Наташи напомнила ему о московских дачниках, которые помешаны на «своих» огурцах и «своих» помидорах.

– Мне не нравятся свои стихи. Наверное, не будет неправ-

дой сказать, что я их немного стыжусь... Я хотел бы писать по-другому, и о другом.

— О чем? О любви?

— Мои стихи именно о любви, и именно это меня смущает. Я хотел бы писать о мире, быть более... объективным.

— Ты пишешь о любви. Как странно? У тебя было много любви?

— Я сейчас ничего не пишу, я писал раньше. Я любил кое-кого. Но давай, больше не будем об этом. Сейчас я люблю тебя...

— Давай об этом тоже не будем.

Иван не понимал, что Наташа, как многие эгоистичные натуры, не знала, что такое любовь к другому человеку. Она могла имитировать любовь, и со временем стала думать, что и другие заняты тем же самым. Ей нравилось заставлять восхищение в глазах мужчин, и зависть в глазах женщин. Потому что кое-кого она все же любила. Этот кое-кто была она сама. И еще она любила секс. Она не понимала медлительности Ивана.

Ивану, наоборот, казалось, что все развивается слишком быстро. Он чувствовал, как события неумолимо влекут его к какой-то последней черте, на которой ему придется принять решение. Он надеялся, что примет именно то решение, которое должен будет принять, но хотел оттянуть этот момент, ибо знал, что после этого вся его жизнь изменится. Весь мир

изменится.

– Убей Константина и женись на ней! Удочери ее ребенка! Ты ведь любишь ее! Я вижу, любишь! – орал на него Виктор, когда они в очередной раз вместе пили. Иван, хотел ему ответить, но по его лицу текли слезы, и горло сжималось, не выпуская никаких слов. Это говорит мне человек, семью которого разрушил чужак. Пришел, взял то, что ему понравилось, и оставил сломанный стебель. Виктор – сломанный стебель. То, что остается, когда срывают цветок. Цветок ставят в вазу, или в нагрудный карман. Когда он вянет, его выбрасывают, а стебель остается, он никому не интересен.

И по уже многолетней привычке, внутренний слух Ивана стал улавливать разрозненные строфы: В поле широком... Сухая трава... О чем? Непонятно... Мне шепчет слова...

Виктор что-то продолжал говорить. Иван понимал, что он жалуется на свою судьбу. Он не хочет жаловаться, но что бы он не говорил, у него выходит жалоба. Как будто между слов шепот ветра. Не стоит слушать речи, эти заезженные пластинки, нужно слушать лишь дыхание, которое несет эти речи.

О том, что цветочек в том поле растет. Как синий глазочек... Кого-то он ждет. Какой-нибудь путник найдет среди полей... Цветочек... И дальше... Дорогой своей...

Но ведь ничто не существует вечно. Все живое погибает. Ты не можешь уберечь Виктора, Наташу, от потрясений, от смерти. Да, но я не хочу быть причиной этих потрясе-

ний. Должно соблазнам быть, но горе тому, через кого они...
Через безжалостных людей. Через людей, которые берут не спрашивая.

Его я лелеял, его охранял.

Случайный прохожий прошел и сорвал.

О чем же так долго шептался овес?

О том, что прохожий цветок мой унес...

Опять что-то невразумительное, несуразное. Частушки.

А весна зашла уже далеко. Гораздо дальше, чем отношения Ивана и Наташи. Уже цвела сирень. Иван был пьян без вина, когда они с Наташей шли по Садовой, а с вишен слетали последние белые лепестки. Наташа шла немного впереди, в коротком облегающем платье, и его глаза переходили с мальчишеской шеи на угаданную природой пропорцию талии и бедер. Ту, над которой бились Пракситель и Фидий. Затем он спускался на швы колготок, и по ним следовал дальше, по задним поверхностям ног, виноградным изгибам колен и икр. Наташа что-то ему сказала, но он снова не услышал, о чем она. Он неосознанно потянулся рукой, чтобы до нее дотронуться. Наташа, как бы нечаянно сделала шаг вбок, обходя ямку на дороге, и рука Ивана повисла в воздухе. Наташа рассмеялась, увидев его лицо.

– Что, птичка упорхнула?

– Зачем ты так, я тебя люблю.

– Что толку мне от того, что ты меня любишь?

– Любовь – самодостаточна, что нужно еще? – проямил Иван, не чувствуя правды того, что говорит.

Она отвернула с досадой. Какой он недогадливый!

– Мы уже не дети, Ваня! Может, ты еще в кино меня пригласишь?

– Мне достаточно твоего присутствия!

– А мне недостаточно, твоего. Я хочу твоих поцелуев, твоих объятий, быть с тобой...

Иван молчал, переваривая услышанное. То, что предложение интима прозвучало со стороны женщины, означало отсутствие выбора. Он понял, что настал момент, когда он больше не управляет ситуацией. Теперь ему нужно либо отдалиться ходу событий, как пловец отдается течению реки, либо... выбираться из этой реки.

– Возможно, мы с тобой когда-нибудь будем жить под одной крышей... Мы должны решить...

– Какой ты рассудительный. А еще поэт!

– Я не считаю себя поэтом...

– А я хочу поэзии, романтики. Я устала от серой жизни. Ты подал мне надежду, что из этого есть выход, спасение. Мой муж постоянно меня упрекает в том, что я нарушаю его правила. Его жалкие правила. Теперь и ты туда же.

– Я просто боюсь поспешить и тебя потерять. Поверь, я могу быть решительным, но сейчас на кону ты. Если бы мне просто нужен был секс с тобой, я не стал бы тянуть резину. Я хочу, чтобы мы остались вместе навсегда.

– А я хочу тебя.

– Мы живем в большой деревне. Все сразу все узнают. У тебя появится репутация... Ты первая скажешь, что ты меня за это ненавидишь.

– Можно сделать так, что никто не узнает.

– Каким образом?

– У тебя есть друзья, которые могут на время покинуть свой дом?

– За год жизни здесь у меня не появилось таких друзей. Я думаю, их не появится, даже если я проживу здесь сто лет. Виктор, хороший человек, но он не держит внутри себя информацию. Завтра будет знать весь город. А что с твоими подругами, встречный вопрос?

– Подруги есть, но они законопослушные курицы. В таком деле я не могу рассчитывать ни на одну из них.

Некоторое время они шли в молчании. Иван ощущал лишь пустоту в мыслях. Первой заговорила Наташа:

– У нас есть гостиница, ты об этом знаешь?

– Да.

– А то, что директор твоя соседка, тетя Надя, ты знаешь?

– Нет.

– Гостиница пустует, а тетя Надя из тех женщин, которым можно доверять. Ты можешь с ней договориться о комнате, в котором мы будем наедине, вдали от посторонних глаз.

Иван молчал. Увы, осталось совсем немного шагреновой кожи. Скоро все поменяется. Он или навсегда останется с

этой женщиной, чего ему, разумеется, хочется каждую секунду своего существования, или она от него уплывет, как Офелия уплыла от Гамлета. Офелия тоже хотела секса, а он пичкал ее метафизикой. В результате Офелия сошла с ума.

Но я не Гамлет, а Наташа не робкая девушка. Ее ум крепок и деятелен. Она, скорее Софья из «Горе от ума», хищница. Псевдоумник Чацкий недоумевал, как ему предпочли Молчалина. Но Чацкий умел работать только языком, а Молчалин совсем другими частями тела...

На следующий день, он поговорил с тетей Надей, которая с радостью вручила ему ключ от гостиничного номера. Тетя Надя была добрая русская женщина. Совершенно недалекая и беспринципная. У Ивана были некоторые сомнения в отношении конфиденциальности его сделки, но в остальном организация свидания была на уровне. Видимо, для тети Нади такие дела были привычными.

Муж Наташи должен был уехать по делам. Предположительно на неделю. Две бабушки наперебой ждали к себе ее дочь. Иван и Наташа условились о дне и времени своей встречи без посторонних глаз. До этого Иван мечтал о такой возможности. В его мечтах это рисовалось мигмом гармонии и счастья. Тем более Наташа сама этого захотела. Но теперь его не покидало чувство, что что-то идет не так. Он отмахивался от него, упрекая себя в трусости. Но упреки помогали слабо. Червь разрастался. Чтобы разобраться в себе он нака-

нуне сделал огромный крюк, выбрав самую длинную дорожку домой. Он шел по весеннему лесу, слушал птиц, вдыхал запах цветущих акаций. Этот запах с детства ассоциировался для него с чувством, которое пробуждает в мужчине женщина. Женщина, которая нравится. Гормональный взрыв. Ощущение возможности полета, чуда. Что для него была Наташа? Почему, из всех женщин мира, ему нужна именно она? Он зажмурил глаза, и она легко возникла перед ним, на задней поверхности его век. В его ушах звучал ее голос, а запах каши превратился в аромат духов «Катрин», которыми пользовалась Наташа. Наташа была с ним, каждую минуту его бытия, и останется с ним до конца его жизни. Нужна ли ему реальная женщина с побритыми ногами, ненасытными плотскими желаниями и затаенной злобой? Не отнимет ли она у него тот образ, который он стал считать своим, своей музой? Эта женщина зевала, когда он рассказывал ей об Артуре Рэмбо, а затем советовала послушать песни Филиппа Киркорова. Он слушал песни Киркорова, пожимая плечами, она возвращала ему «Озарения» ни разу их не раскрыв. У нее не было литературного вкуса. На то, как она двигается, можно было смотреть бесконечно. Но стоило ей открыть рот, наружу выходила неизгладимая провинциальность, которую до времени затмевали красота и непосредственность. Этот был созревший плод. Арбуз, который уже никогда не станет ананасом.

Он принялся себя позорить, говоря, что он не мужчина.

Большинство любовников даже не берут в голову таких расхождений. Сорвать запретный плод в саду наслаждения было главной целью настоящих мужчин и настоящих женщин. А он мучается какими-то подростковыми представлениями о гармонии душ.

Наутро его вызвала к себе Валечка.

– Тебя можно поздравить с победой? – ехидно спросила она

– Не понимаю, что Вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что ты преуспел на любовном фронте.

Ивана слегка передернуло. Идеи, чувства, намерения у бывшей партократки неизменно облекались в форму грубых словесных штампов. Ни о какой оригинальности мышления и душевном такте речь не шла. И эти люди принимают решения, руководят, воспитывают других людей! Как-то он сказал Наташе, что его не пугают мнения других людей, и его чувство к ней существует без оглядки на то, что о нем говорят, или думают. Он ошибался. Мысли других – настоящий ад. Одной своей фразой Валечка, пошлейшее существо, наполнила грязью все кувшины его души. Сейчас она скажет, что, как его непосредственный начальник, как старший товарищ, она должна его предостеречь... И прочие формулы, которые прикрывают пустоту и безнравственность. На деле, в ее глазах читалось что-то граничащее с восхищением, некое понимание и поощрение. Скорее всего, она сама не прочь бы

оказаться на месте Наташи (как она понимала это место), но годы уже не те.

– Вы имеете в виду меня и Наташу? Уверяю, здесь совсем не то, что вы, наверное, подумали.

– Все так говорят, когда оно выплывает наружу. Но я тебя понимаю. Наташа привлекательная женщина. И на ней тоже лежит вина, за то, что она дала тебе надежду на отношения.

– Что Вы говорите, Валентина Николаевна...

– Я знаю, что говорю. Все мы женщины умеем кружить головы мужчинам, но, если у тебя семья, ты должна в первую очередь подумать о ней.

На сей раз Валентина Николаевна действительно знала, что говорила. Все мужчины, которых она знала, были готовы на время сложить с себя моральные правила, как они складывали на тумбочку свои отутюженные брюки, в номерах партийных санаториев. Такие люди как она и ее покойный муж «ради работы» забывали семьи, а их дети вырастали наркоманами.

– У нас маленький город, все на виду, – продолжала она. – О вас ходят слухи! Что будет, когда узнает ее муж!? Вот о чем ты должен сейчас подумать. Я тебе как мать говорю. Ты знаешь, как я отношусь к твоей матери. Мне страшно за тебя. Сколько в коллективе незамужних женщин...

– Кем Вы меня считаете, Валентина Николаевна!

– Я тебя считаю своим сыночком! Я знаю, как тобой довольны в коллективе. Ты очень нужный работник. Я не хо-

чу, чтобы у тебя были неприятности. Ведь ты такой умный мальчик. Я как твой руководитель не могу допустить...

Иван дослушал до конца все Валечкины нравоучения. У него никогда не возникал вопрос о доверии к людям. С детства для него было аксиомой, что все люди желают друг другу добра. Все всегда правильно рассуждают, говорят, когда нужно правильные слова. И не видят противоречия между своими мыслями и своими делами. Как поступит он? Он, который всегда стремился к цельности, стал постепенно сознавать, что и в нем, как и в других, словно живут несколько разных людей. Слова Валечки возбудили в нем упрямство.

Наступил этот день. Он видел на работе Наташу. Она спокойно отнеслась к его рассказу о разговоре с директором.

Почему-то она была уверена, что муж не посмеет ничего предпринять. Но они решили проявить еще больше осторожности. Пусть Валечке донесут, что у них полный разрыв. Пересекаясь, они демонстративно не глядели в сторону друг друга. Наташе всегда нравилось притворяться. В этом ей не было равных. Она отлично умела маскироваться. Кто-то даже спросил Ивана, за что она тебя так невзлюбила. Он буркнул что-то вроде, насильно мил не будешь.

«Шарик обычно стремится в лузу», – бормотал про себя Иван, идя домой. У него все было решено, но в груди была пустота. Пустота сосала под ложечкой. Иван знал это чувство и знал, что с ним случается в такие моменты. Он мог совер-

шить спонтанный поступок. Однажды он спрыгнул с высоты второго этажа. Он стоял на крыше, смотрел вниз и вдруг подумал, а что, если прыгнуть. Просто так. Возможно потому, что после этого что-то изменится. Оттолкнувшись от края, он уже не сможет вернуться назад и что-то изменить. Он станет другим. Будет ли жалеть – об этом не узнаешь, пока не сделаешь. И вдруг, сильно оттолкнулся, чтобы перелететь полосу асфальта, и прыгнул. За секунду до прыжка, он не знал, что сделает это. Все закончилось благополучно. Он удачно приземлился. Ему показалось, что от удара выворачиваются суставы, но он ничего не повредил. Никто не видел, он никому не сказал. Но после этого стал другим. Он понял, что может совершать поступки, которых от него не ждут, которых он сам от себя не ждет. И он делал такие поступки не раз, когда оказывался в некотором смысле на краю.

Я действительно стою на краю пропасти. И я не понимаю, что буду делать. Сделать то, что я спланировал с Наташей, очень легко, как пройти по тротуару. Мужчины часто заводят себе любовниц. Времена христианских заповедей прошли. Да и были бы нужны заповеди, если бы их постоянно не нарушали, или не стремились нарушить. Женщины сплошь и рядом имеют любовников. Это даже расценивается как какой-то ущерб, если у человека нет связи на стороне. Почему я не имею права насладиться обществом любимой женщины? Я что, какой-то религиозный фанатик, который свя-

то чтит заповеди? Я ведь даже не принимаю их всерьез! Вот только почему мне приходится это делать втайне? Вот в чем вопрос. В этом какой-то изъясн, и я не понимаю какой. И от этого пустота под ложечкой. Но, с другой стороны, разве я могу все понимать и соблюдать все правила? Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к женщине. Он смотрел на прохожих и думал об их тайных поступках. Навстречу ему шли мужчины и женщины с честными лицами. В этом мире не существовало пороков. Он один был преступник.

Когда Иван вышел из дома, оставалось два часа до назначенного времени. Они должны были прийти в гостиницу порознь и встретиться уже в номере. Иван по пути к женщине собирался купить все, что полагается в таких случаях. На время это его отвлекло от размышлений, которые стали изматывать. Он укрылся в отрешенности теоретика, погружающегося в новую задачу. Взяв все имеющиеся в запасе деньги, он отправился за вином. Долго выбирал, растормошив неласковую продавщицу, остановился на Саперави. Вспомнился панегирик Пушкина в адрес кахетинских вин. Затем, в продуктовом отделе, взял сыр маасдам, копченую ветчину, нарезку из семги, плитку шоколада, банку маслин, корнишоны и хрустящий батон. Во фруктовом отделе он купил целый ананас, и гроздь винограда. Спohватившись, вернулся за пакетом фруктового нектара и бутылкой минеральной во-

ды. Получился увесистый пакет. Он бережно поместил его в свой рюкзак к набору одноразовой посуды и скатерти с ножом. Почувствовал себя готовым к предстоящему испытанию.

С вином и фруктами в рюкзаке Иван шел по сосновой аллее, которая была высажена в далекие семидесятые годы для озеленения города и теперь разрослась так, что распространяла в окрестностях запах тайги, и засыпала тротуар, по которому двигался Иван, длинными иглами и пустыми прошлогодними шишками. Он направлялся к гостинице. На улице не было ни души, маршрут не был популярен. А зря, запах действительно бодрящий. Будь я местным, я бы чаще гулял по этой улице. Он поймал себя на том, что противопоставляет себя жителям города. За девять месяцев, три сезона прожитых здесь, я не стал для них своим. Что держит меня здесь? Я – случайная деталь, попавшая на картину провинциального прозябания. А может ее недостающий пазл.

Наташа, когда-то моя первая, чистая юношеская любовь, а нынче провинциальная матрона, хотела найти себе любовника, чтобы наставить рога любимому мужу, регулярно изменяющему ей. Иван заполнил собой пустоту, образовавшуюся в природе, которая не терпит пустоты. Его засосало в этот пошлый спектакль, как муравья засасывает в воронку. Декорации подготовлены, сейчас откроется занавес. Он сам участвовал в подготовке декораций. Может даже неплохо получиться. Никогда не знаешь, чем закончатся твои старания.

Утром сеешь семя твое, и вечером не даешь отдыха руке, потому что не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет.

Все хорошо будет. Наташе понравится закуска, у нас будет шикарная ночь, и еще много ночей, муж ничего не узнает, а если даже узнает, промолчит, потому что он расчетливый тип, не из тех, кто делает опрометчивые поступки. Такая женщина, как Наташа, одна на миллион. Она будет теперь принадлежать двоим, мне не надо ее воровать, как я вначале думал. У нее будут два мужа. Потом, возможно, появится третий...

Как хорошо действует на разум воздух, пропитанный запахом хвои! Иван дошел до поворота, за которым уже была видна гостиница. Сосны закончились, началась аллея из акации. Видимо, когда озеленяли этот город, на каждой улице сажали один сорт деревьев. Акация в самом цвету, обрушилась на мозг, просветленный запахом тайги и микротоками оптимизма. Он уже почти дошел до гостиницы и стоял, вдыхая запах цветущей акации. Аллея акаций тянулась от гостиницы к железнодорожной станции. Иван вдруг вспомнил, что через пятнадцать минут, ровно через столько через сколько должна произойти встреча с Наташей, на станции останавливается скорый на Москву. Это лазейка. Возможность убежать из клетки, в которую он сам себя заключил. Разорвать логику событий. Снова остаться ни с чем. Но сохранить мечту. А не совокупиться с ней. Сварить суп

из прекрасного павлина. Этого делать нельзя. Это как сбросить атомную бомбу в центр души. Возможно, на периферии останется какая-то жизнеспособная структура. Но главное, моя суть, будет уничтожена. Бежать, на край земли. Только так. Из Москвы есть самолет на Чукотку. Деньги и документы я взял, как чувствовал. Больше ничего не нужно. Маме я сказал, что вернусь на следующий день. Из Москвы ей позвоню, успокою. Пусть уволит меня от Валечки. Ноги уже сделали несколько шагов вспять, в направлении вокзала. Он повернулся и широко зашагал. К вокзалу. От гостиницы.

Поезд стоял две минуты. Иван быстро вычислил подходящего проводника. Мужчина, немного старше его при виде пассажира без багажа, многозначительно усмехнулся. Он привык к молодым и не очень одиноким пассажирам, то ли ищущим свое счастье, то ли бегущим от него.

– Тебе куда?

– В Москву!

– Водку пьешь?

– Еще бы! У меня и закуска подходящая есть!

– Садись в мое купе.

– Хорошо.

Видимо ему сегодня, в качестве платы за проезд, придется выслушать историю еще одного разбитого сердца.

Поезд тронулся. Иван смотрел в окно, Невидимый механизм в очередной раз менял декорации его жизни. Влево-вдаль уходили сосновые и тополиные аллеи, одноэтажные

дома под низким небом провинции. Дома старались слиться с ландшафтом. Над ними упорствовали элеватор и трехэтажное здание его работы. Как тонкая паутина, затянувшая стоявший в чулане велосипед, рвались непрочные нити связей, тянувшиеся от него к Виктору, Наташе, Ирине, ... Еще одна гирлянда лиц, оседала на дно памяти. Иван задремывал, прислонившись затылком к вагонной переборке. Лица кружились, как осенние листья, уносясь вдаль по тополиной аллее, и против их общего течения двигалось одно лицо, увеличиваясь. Лицо Наташи. Не сегодняшней Наташи, провинциальной мессалины, осатаневшей от скуки и похоти. А той, прежней, невинной весталочки времен его детства. Она смотрела на него нежно и слегка насмешливо, покачивая головой. Он протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но она вдруг тряхнула волосами, показала Ивану язык, и исчезла.

Продажный бюрократ

Жители небольшого уездного города Новососновска иногда встречают на улицах долговязую, сутулую фигуру в черной вязаной шапочке и в твидовом подвытертом пальто, из воротника которого выглядывает небритый кадык и над ним слабовольный подбородок, также покрытый трехдневной сединой. Карие глаза из-под кустистых бровей одинаково равнодушно смотрят как на одушевленные, так и неодушевленные предметы, составляющие в своей совокупности малоэс-

тетичный городской пейзаж. Ноги в порватых кроссовках, с расстояния похожие на две пружинки из-за складок джинсов на полусогнутых коленях, зрячие, словно ноги сапера, безошибочно переступают через желтые лужи и собачьи экскременты. Жители не считают нужным здороваться при встрече с этим некогда влиятельным человеком, но, глядя вслед, если вдвоем, обмениваются двумя традиционными репликами:

– Гляди, Никитин! Еще живой.

– Да, постарел только сильно.

Если при этом с ними случится третий, неместный, то на его вопросительный взгляд один из первых двух бросит с зевком:

– Наш бывший мэр.

– Ага, – отзовется приезжий и понимающе цокнет языком.

Примерно так, я думаю, должен начинаться рассказ о бесславном правлении, завершившимся коррупционным скандалом. Так он в данную минуту и начинается. Что ж, я не против.

Никитин – это я. И я действительно был мэром Новососновска в течение пяти чудесных посткризисных лет, когда наконец появился долгожданный вектор развития, который в итоге привел за решетку многих подобных мне. И скандал имел место. И с тех пор я действительно хожу по улицам, как привидение, ни с кем не здороваясь и даже не встречаясь взглядами. О! За пять лет столько было этих взглядов, что,

даже опуская веки, я вижу перед собой чьи-то глаза. И эти глаза хотят. Чего хотят? В первую очередь, конечно, же обмануть. Но при этом выдают безжалостную, порой жалкую правду. Ведь функция глаз говорить правду, разве не так?

Нет ничего такого в моем мэрстве яркого или выдающегося, похожего на приключение или на подвиг. Если попытаться образно его с чем-нибудь сравнить, то на ум спонтанно приходит Гоголь-сюита. Импрессионистская пьеса Альфреда Шнитке, заряженная килотоннами скуки присутственных мест и мегатоннами тоски по незаконному получению прибыли. Я отлично осознаю, что являю собой типичный экземпляр зауряднейшего провинциального коррупционера. Можете считать даже, что я горжусь своей типичностью. Чистой так сказать своего явления. Так знайте, граждане, что лицемерят или заблуждаются те из вас, кто это явление осуждает. По-моему, это равносильно тому, что мозг, глаза и руки станут осуждать пищеварение и шлаковыведение. Последние суть тоже уважаемые части организма, и у них есть все, что есть у других частей, даже своя поэзия. Как пел один одесский урка: «Эмейте кяплю увження к етей дряме...»

Эх, не имеют они капли уважения. Им бы посмаковать какие-нибудь грязные подробности, понизив голос порассказать о несовершавшихся преступлениях, придворных интригах, подводных течениях. Ну и черт их побрал! Народ всегда будет сочинять басни о власть предержащих. Разубеждать его в своей априорной подлости совершенно бесполез-

но. А подолью — ка я, наоборот, масла в огонь. Поделюсь, так сказать, своими воспоминаниями. Без разглашения конкретных сумм и обнародования государственных секретов. Это само собой. И без призывов к насильственному свержению. К тому же.

Внимательный читатель уже догадался, что Новососновск — вымышленный город, но с реальным прототипом. Действующие лица из моих воспоминаний, и их поступки тоже будут все вымышлены. Но иметь свои реальные прототипы они тоже будут. Вернее, уже имеют. Их еще нет, а прототипы есть. И эти прототипы окружают меня, когда я сижу в полумраке своего кабинета и нашептывают мне что-то на ухо. *Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten, Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.* Когда я в своем уютном полуодиночестве у вечернего камина выпиваю рюмочку другую армянского бренди, они начинают тесниться возле меня, как некогда гештальты возле смакующего франконское вино создателя Фауста. Иногда мне хочется прикрикнуть: в очередь, сукины дети. Но не желают они почему-то выстраиваться в очередь, в согласии с пространственно-временными последовательностями! Может, армянский напиток виноват в том, что они ведут себя как торговцы на базаре? Нет, скорее, как пассажиры у двери отъезжающего вагона. Кто-то лезет без очереди, кому-то суждено остаться на перроне. Я не буду им ни в чем мешать, наводить в их толчее порядок, угодный моему изрядно редуцированному властолюбию. Эрозия воли, кото-

рая поражает властных матерей, строгих педагогов и амбициозных политиков, не миновала и меня. Посему начнем с самого частого действия, вернее, даже действия, которое как никакое другое подрывает здоровье и репутацию человека, состоящего на службе обществу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.